

ЭМИ

**Страдающим от
несчастной любви*

ЛИПТРОТ

МОМЕНТ

Эми Липрот

Момент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68756847

Момент:

ISBN 978-5-91103-634-8

Аннотация

В дебютном романе Эми Липрот «Выгон» ее героиня оставила Лондон ради северного шотландского острова. В новой книге всё наоборот: она возвращается в городские джунгли, надеясь справиться с одиночеством и найти свою любовь. Но и в городе – на сей раз это Берлин – ее увлекает глубинное исследование местной фауны: вооружившись биноклем, она разыскивает берлинских ястребов, ворон, енотов. Через поиски следов дикой природы в большом городе и онлайн-знакомства с мужчинами проходит главный нерв этого откровенного автофикшен-романа.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	5
Как плавать в шторм	12
Исследование сердца по картам Google	25
Высотный Лондон	35
Серые вороны	42
Берлин для начинающих	48
Цифровые кочевники и призраки	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эми Липтрот Момент

Copyright © Amy Liptrot, 2022

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Пролог *Февраль* Голодная Луна

Я получаю СМС-сообщения с луны. На телефон приходит уведомление с вопросом, может ли луна отслеживать мое местоположение, и я даю разрешение.

Я переехала в другой город, но луна следует за мной. Она пишет, чтобы сообщить, когда выйдет. Через окна моей квартиры в Кройцберге видно только четырехугольник неба над двором, маленькое пространство, в котором в ясную ночь можно увидеть луну, проплывающую мимо.

Б сказала, что люди переезжают сюда только ради того, чтобы рассказывать оставшимся дома друзьям, что живут в Берлине. Б сказала, что, переезжая сюда, люди часто чувствуют себя так, будто скинули несколько лет и теперь их молодость продлится дольше.

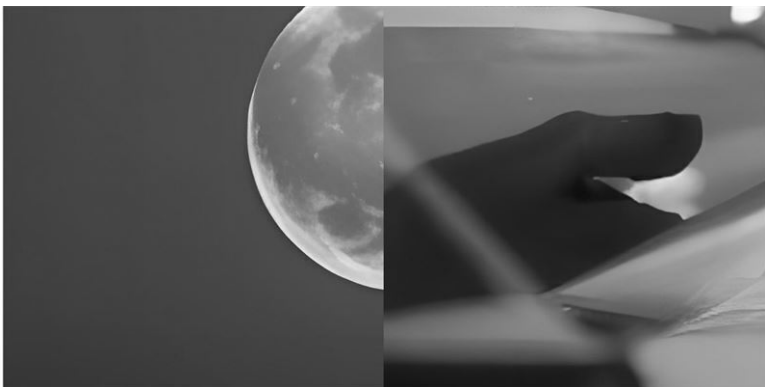
Ориентируясь на мое местоположение, приложение сообщает, в какой фазе луна в данный момент, в каком направлении и на каком расстоянии от меня. Прямо сейчас луна находится в 618 007 километрах от моей руки, прижимающей телефон к сердцу, а я сижу за столом в узкой кухне квартиры с высокими окнами в старой многоэтажке с жгучей крапивой у подъезда. Я только что пришла с работы, тело гудит от усталости. Луна сейчас растущая и расположена в 25,2 градуса над горизонтом, почти строго на восток. Она взошла только после полудня и зайдет около трех часов ночи.

Я набираю ванну, сверяюсь с цифровыми картами и жду луну. Ванна стоит рядом с окном, и я открываю его настежь, чтобы впустить прохладный воздух. Я слышу мяуканье уличных кошек на лестничной клетке, болтовню сорок в голых ветвях деревьев, неясный гул города, который напоминает мне о ветре дома. Сперва я замечаю луну в отражении окна напротив: светящаяся луковичка в двойном стеклопакете. За вечер она проплывает от одного края к другому, как далекий корабль. Я всё время возвращаюсь к окну и с восторгом ловлю ее волшебный свет.

Лестничная клетка разрисована разными политическими

граффити и символами: за анархию, против джентрификации, в поддержку беженцев. В здании раньше был сквот, и здесь сохранились элементы коммунального быта: общий вайфай и общий мастер по ремонту. Я слышу, как разговаривают соседи по двору, как они занимаются сексом и спорят на разных языках, как играют на флейте, как плачут дети. Каждое первое мая во дворе организуют большую техно-вечеринку. Здесь бурлит жизнь.

В интернете царит хаос, и я отправляюсь расслабиться на луну, открывая в новых вкладках страницу о луне в «Википедии» и карту ее поверхности. Я слежу за новыми лунными разработками НАСА. Я выясняю, что луна когда-то была частью земли, но ее оторвал астероид. Б, которая переехала из Шотландии в Тасманию, рассказывает, что в Южном полушарии луна другая, она растет и убывает в противоположном направлении. Я узнаю, что луна замедляет вращение земли. Луна придерживает нас.

Я больше узнала о луне, и в особенности о том, как она влияет на приливы и отливы, когда вернулась домой на остров. Отлив в новолуние – время выкапывать на пляже двустворчатых моллюсков, которых местные называют струйками, а после полнолуния на линии наибольшего прилива можно найти выброшенные волнами вещи – коряги и разные сокровища.

* * *

Моя улица и некоторые из прилегающих к ней представляют собой смесь различных эпох истории Кройцберга: магазинчики, турецкие пекарни, гараж с «революционным оборудованием», суши-бар, высококлассные кофейни и дизайнерские бутики. На тротуаре кучками сложена одежда, которую можно взять бесплатно, но в то же время есть места, где продаются платья за тысячу евро.

В интернете люди задают вопросы. Из чего состоит луна? Почему луну видно днем? Почему луна красная? Можно ли уничтожить луну?

Я ношу длинные юбки и перчатки без пальцев, крашу ногти, как раньше. Хожу на вечеринки. В англоязычном книжном магазине я читаю вслух отрывки из «Одиссеи» под аккомпанемент двух норвежцев, играющих на синтезаторе.

Я сбежала, но луна повсюду, куда бы я ни шла. Прямо на

дорожке Темпельхофер-Фельд, огромного парка посреди города, я нашла крошечный розовый полумесяц из пластмассы. В первую неделю в городе я нашла в книжном магазине красивый лунный календарь и приклеила его к стене. Дважды в месяц, в новолуние и полнолуние, я жду сизигию – момент, когда луна, земля и солнце выстраиваются в ряд. Лунные циклы – едва ли не единственное, что я записываю в свой ежедневник на год. Мое будущее – белый лист, но я знаю, что будет происходить с луной.

В наступающем году по солнечному календарю будет тринадцать полнолуний. Полнолуния каждого месяца и времени года имеют разные традиционные названия. Февральское полнолуние – это Голодная Луна, а мартовское – Постная Луна, Луна Червя или Сочная Луна. Названия пришли из разных культур – индейской, кельтской, англосаксонской, но все они связаны с временами года и сельскохозяйственным календарем.

Луна теперь проплыла над двором и спряталась за зданиями, но я смотрю на ее фотографии онлайн. Я закрываю Twitter, приложение для знакомств, объявления на Ebay. Лунные мозаики сотканы из сотен разных кадров, сделанных телескопической камерой, и создают детальное изображение поверхности луны: рельефных кратеров, гор и скал. Увеличенные, монохромные и сияющие. Сейчас февраль и в городе темно, но я отчаянно ищу лунный свет.

Я в Берлине четыре месяца и уже успела пожить в пяти домах. Я езжу на велосипеде по бульжнику. Я регулярно заряжаю гаджеты и ношу шорты, которые нашла на тротуаре. Мне нравится сидеть у круглосуточного киоска Späti, курить самокрутки и пить Клуб-Мате, наблюдая за привлекательными и странными людьми на улице. У меня был роман, который длился две ночи и два дня.

Люди в этом городе не умеют брать на себя обязательства, но луна всегда движется по своей орбите, а месяцы сменяют друг друга без устали. Я не говорю по-немецки, но знаю слово «der Mond».

Моя любовь к луне сформировалась за то время, которое я провела в одиночестве, как и любовь луны ко мне. Луна, говорю я Б, теперь заменяет мне бойфренда.

Как плавать в шторм

Июль

Грозная Луна

Прошлым летом я сняла небольшую квартиру на острове в маленьком портовом городе так близко к пристани, что дважды в сутки я слышала объявления с парома, а его гудок задавал медленный ритм дням.

Я разорвала ненужный путеводитель по Лондону и накле-

ила его страницы на стены вместо обоев. Мой душ был весь в песке и водорослях.

За задней дверью, куда я ходила курить, среди плюща устроились щебечущие воробьи. Я искала для себя разные возможности заработка, обдумывая, стоит ли продолжать сотрудничать со старыми работодателями, и ожидая, чтобы что-нибудь произошло.

Хотя у меня появилась эта квартира с книжным шкафом и высокоскоростным интернетом, я часто ловила себя на том, что стою в кухне и испытываю острое одиночество. Я жила одна уже несколько лет, и это стало на меня давить.

Я часто поднималась на вершину холма и смотрела, как всходит луна. Я смотрела вниз на город, на другие острова по ту сторону залива, на материковую Шотландию и далеко на запад, где простирается Атлантический океан.

Порой я не ложилась спать допоздна: не вылезая из кровати, я блуждала по просторам интернета. Поставив теплый жужжащий ноутбук на одеяло, я гуляла по городам самых разных стран с помощью функции просмотра улиц в картах Google.

Я засыпаю. Мне снится, что я птица, парящая высоко над интернетом.

Примерно раз в неделю я встречалась со своей эксцентричной группой по плаванию. Раздеваясь за машинами, мы болтали о погоде, температуре воды и состоянии моря. Затем без раздумий вместе заходили в воду.

Я ходила плавать и одна, часто приезжая на маленький пляж на краю города. Прежде чем стянуть джинсы и ощутить голыми ногами холодный ветер, я долго с сомнением смотрела на воду. Потом надевала тапочки для плавания и перчатки и сваливала одежду кучей на гальке. Я входила в воду постепенно, давая коже, внутренним органам и всему телу приспособиться к погружению в холод. Зайдя по грудь, я собирала остатки воли и начинала плыть брассом, громко хватая ртом воздух.

Это были лучшие минуты за всю неделю. Я плыла параллельно берегу, привыкая к температуре моря, руки и ноги в зеленоватой воде казались бледными, во рту ощущался привкус соли. Я никогда не заплывала слишком далеко и не оставалась в воде слишком долго. На эти минуты я покорялась морю – погружаясь в него по шею, я надеялась, что оно будет меня держать.

Море было единственным местом, куда я не брала телефон. Почти каждую ночь я допоздна листала разные страницы в интернете. Мое внимание привлекла странно переведенная статья в «ВикиХау» о том, «как плавать в шторм».

Самый простой способ пропустить волну – это нырнуть под нее.

Я отправилась в путешествие по стране на юг, останавливаясь в отелях вместе с парами и слыша по ночам, как они разговаривают и смеются за стеной. Вернулась на остров я в отвратительном настроении – злая, подавленная, неудовлетворенная.

Я устала жить без секса, сердце болело, хотелось плакать,

и я часто плакала. Впервые в жизни я стала ощущать, что мне за тридцать, что я старею. Я стыдилась своих обыденных желаний. Я надеялась, что я интереснее и способна на большее, чем хотеть бойфренда. Но холодной и уклончивой луны мне было мало.

Я скачала Tinder, и его алгоритм, основанный на геолокации, показал мне недоступных людей на буровых вышках и рыболовецких судах далеко в море.

Если на вас надвигается очень большая волна, лучшее, что можно сделать, – нырнуть прямо в нее.

Я влюбилась в друга и через некоторое время нашла в себе смелость сказать ему об этом. Вежливо, но твердо он сказал, что ему это неинтересно. Безграничная печаль. Мне было стыдно расстраиваться из-за того, чего не произошло, расстраиваться из-за не случившегося. Мысленно я собирала войска и уничтожала армии.

Я решила заставить себя преодолеть это и соблазнить другого знакомого. Я побрила ноги, надела платье и пошла к нему. Его не оказалось дома. После этого у меня кончился запал. Меня это не слишком расстроило.

Островной гигантизм – это такое явление, когда животные, живущие на острове на протяжении нескольких поколений, становятся больше, чем их материковые сородичи. Если хищников или конкурентов меньше, в процессе эволюции они могут вырасти в размерах. Обычно это характерно для грызунов. На моих островах полевки и мыши оказались крупнее своих собратьев на материке.

Если волна накрыла вас и несет за собой, расслабьтесь! Не пытайтесь бороться с ней. Волна схлынет через несколько секунд.

Я поднялась на скалу Блэк Крейг и пошла вдоль пустынного побережья к самым высоким скалам острова. С прибрежной тропы я посмотрела на волновые генераторы-поплавки, покачивающиеся на море, и помахала рукой парому, но не думаю, что кто-то помахал мне в ответ. Морской утес выглядел как огромный восклицательный знак, брошенный в море. Я сразу представила, как эта невероятная скала обрушивается прямо здесь и сейчас и я одна наблюдаю за этим. Я вспомнила, как еще вчера, стоя в супермаркете у полок с фруктами и овощами и держа в руках влажный салат, решила, что в конце лета точно уеду отсюда, но сейчас, на вершине скалы, в окружении розовых армерий, орхидей, чибисов,

каменок и тупиков, я не была в этом так уверена.

Я вспомнила, как кто-то сказал мне, что на острове есть только один дом, который невозможно увидеть из окна другого. Я думала о том, как крошечная шотландская примула любит открытые места, омываемые соленой водой.

Я поднялась вверх по течению ручейка, чтобы найти деревянную сауну, о которой слышала и фотографии которой видела не так давно. Кроншнепы неистовствовали. Я нашла маленький водопад, а под ним – перекрытый плотиной бассейн, но сауны там не было. Она сторела дотла, остались только почерневшие остовы бревен. Я побродила в холодной воде, вышла на дорогу и поймала попутку до города, водителем которой оказался морской биолог, специалист по тюленям.

У меня был скелет хорошей жизни, но без сердца внутри. Последние два года я носила одну и ту же теплую одежду. Мои летние и нарядные платья висели в шкафу нетронутыми. Раньше я фотографировала только людей, теперь – небо.

Главным событием дня были встречи с птицами. То я видела самца полевого луны, пролетевшего мимо моей машины, как серебряная стрела, то двух комично воркующих в гавани гаг.

Я жила на одинаковом расстоянии от обоих родителей и была связующей нитью между ними. Они развелись десять лет назад и осторожно выпытывали у меня информацию друг о друге.

Я пыталась сделать вид, что всё в порядке, расслабиться и быть благодарной за то, что у меня есть, но стремление к большему меня не оставляло. То же желание и вера в себя, которые меня мотивировали, вызывали разочарование. Боль

была побочным продуктом моих амбиций.

Если вас захлестывают волны, нужно грести на мелководье или плыть от берега вдоль волн.

Были дни, когда нараставшее во мне одиночество выливалось в гневные комментарии, зачастую адресованные острову. Ночами, когда мне было больно и одиноко, я спрашивала себя: неужели это та жизнь, ради которой я бросила пить?

Мне нужно было уехать. Я хотела взрослой жизни, ресторанов, секса, разговоров и искусства. Я хотела встретить новых людей, которые не знают о моем прошлом.

У меня был доход и достаточно денег на банковском счету, чтобы хватило на несколько месяцев, так что я решила отправиться в путь. Я опубликовала объявление о сдаче своей квартиры в аренду и через несколько дней рано утром села на паром.

Мне всегда нравилось чувство, которое испытываешь, когда уезжаешь: нравилось, как отходит от пристани и острова паром, как автобус начинает движение по трассе А9.

Шотландия за окном проносится мимо, а я пишу в своем блокноте, дневнике сновидений, воображая строки и клятвы, адресованные безликой и безымянной фантазии – моей будущей большой любви:

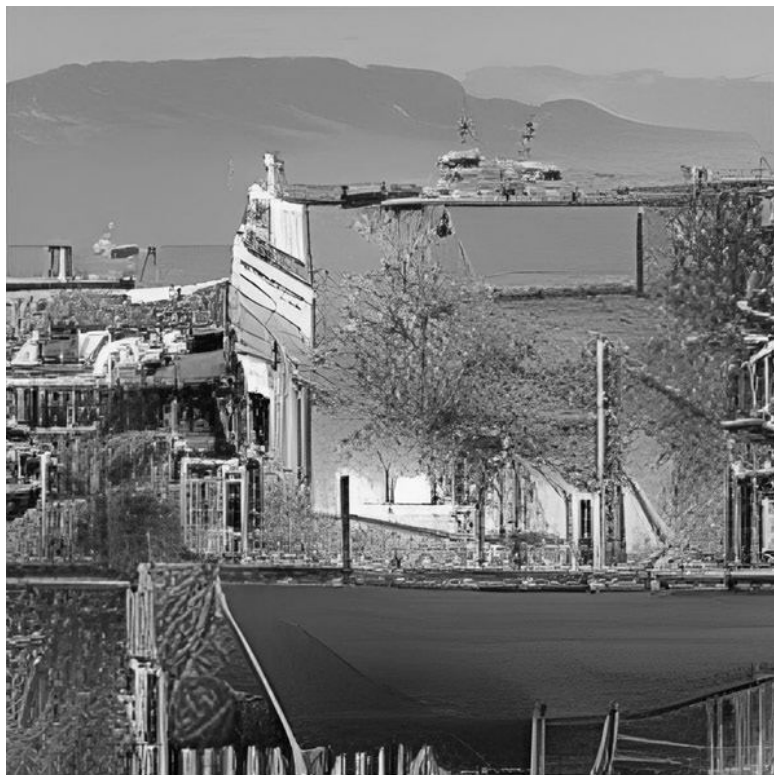
Я хочу спать в каждой комнате твоего дома.

Я хочу знать по одному воспоминанию из каждого года твоей жизни.

Я нарисую изгиб твоей спины на миллиметровке.

Я вырежу буквы твоего имени из каждой ежедневной газеты.

Я хочу, чтобы дети в школе отвечали наизусть последовательность твоего ДНК.

Исследование сердца по картам Google *Август* Зерновая Луна

Я еду в поезде, следующем на юг по магистрали восточного побережья, и везу в рюкзаке разные миры. В газете, которую я купила на станции, премьер-министр обещает ввести новые меры по борьбе с терроризмом. В список находя-

щихся под угрозой исчезновения птиц добавлены камышовки и горлицы. У меня с собой три бумажные книги, каждая из которых приглашает в разные места и посвящена разным темам – Норфолк 1930-х, исследования в области гидродинамики, чистый блокнот, – и много электронных книг в телефоне. Голова идет кругом от множества способов потратить пять часов в поезде, из которых мне приходится выбирать, от удивления, сколько всего я могу делать, не вставая с места. Я могу слушать, а могу и игнорировать разговоры в вагоне: четверо пенсионеров едут на один день в Йорк, двое приятелей лет двадцати обсуждают общего друга, мужчина рядом со мной смотрит в наушниках мультики на YouTube.

Тем временем Англия пролетает мимо со скоростью сто сорок пять километров в час: изгороди и склады, стоянки для фургонов и солнечные фермы, эстакады и подземные переходы. Я вижу человека, стоящего рядом с мертвым животным. Я вижу пустельгу на столбе. Сейчас конец лета, и солнце становится ярче по мере того, как мы движемся на юг.

А в руке у меня телефон, в котором есть весь интернет, все мои друзья, вся «Википедия». Интернет всегда предлагает побывать где угодно, но не здесь. В течение дня я постоянно отвлекаюсь, ни на чем не могу сосредоточиться. Хорошо, что я вообще умудряюсь хоть что-то сделать. В какой мир мне отправиться?

Я открываю Google Earth. С расстояния в тысячу сто километров я смотрю на землю глазами Бога и кручу земной

шар на экране пальцами, как шарик. Земля зажата между моим большим и указательным пальцами, и я притягиваю свою территорию к себе, как приземляющийся парашютист.

Я нахожу Британию, затемдвигаюсь на север вдоль автомагистралей и рек, как перелетная птица. Я живу одной ногой на островах, а другой в интернете. Я таскаю этот чемодан с севера на юг и обратно через всю страну каждые несколько месяцев. В этот раз я уезжаю на год или больше, и пока я еду на юг, мой телефон ловит новые сети.

Я уехала с островов по морю, но в приложении Google я приближаюсь к островам по воздуху, увеличивая масштаб: десять километров на сантиметр, пять километров на сантиметр. Я спускаюсь чуть ниже. Мои острова у меня на ладони: оцифрованные, ничем не пахнущие, неподвижные, безоблачные, застывшие в вечном лете. Это мой дом, но знакомое становится чуждым.

Снимки, сделанные в редкие ясные дни коммерческими спутниками или самолетами, хранятся на огромных серверах в Южной Каролине или Айове, в Ирландии или Финляндии и моментально передаются по оптоволоконным кабелям под океанами и через мобильные сети мне, в поезд, несущийся на юг.

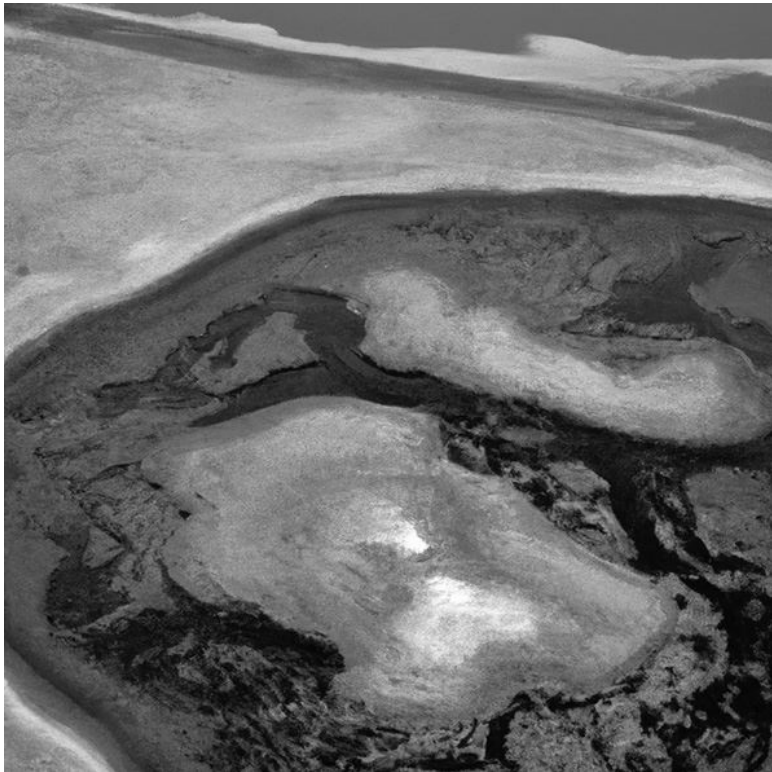
Я парю над главным островом. На спутниковых снимках большинство полей сочного зеленого цвета, но на некоторых трава скошена или недавно посеяна, так что я понимаю, что снимки были сделаны сразу после первого покоса на силос в

начале июня. Я могу определить время по ветровым турбинам: словно солнечные часы, они отбрасывают длинные тени на юго-запад, так что это должно быть раннее утро.

Ядвигаюсь в сторону фермы на скале, где я выросла. Снимок сделан во время прилива, некоторые знакомые скалы скрыты под водой. Груда тюков силоса сверху выглядит как черная дыра. На полях видны следы от папиного трактора. В поле вокруг трейлера стоят старые заржавевшие машины, на которых я раньше ездила, и от их крыш отражается солнце.

Я смотрю на необитаемые острова с такого небольшого расстояния, что уже можно разглядеть силуэты и тени тюленей, вылезших на скалы. Появляются цифровые помехи. Разные слои были сфотографированы в разное время, и я переключаюсь с 2008-го на 2010-й, а потом на 2006-й, снимая напластования цифровой археологии. Я перехожу поле и оказываюсь в позапрошлом году. То и дело обновляя постоянно изменяющуюся карту, я путешествую во времени.

Каждая фотография – это кусочек прошлого. Я вижу остров не таким, какой он сейчас – с новым урожаем, выросшим за год, – а таким, каким он был, когда спутник сделал эти снимки. Вот волна, которая была запечатлена, чтобы замещать собой все будущие волны.

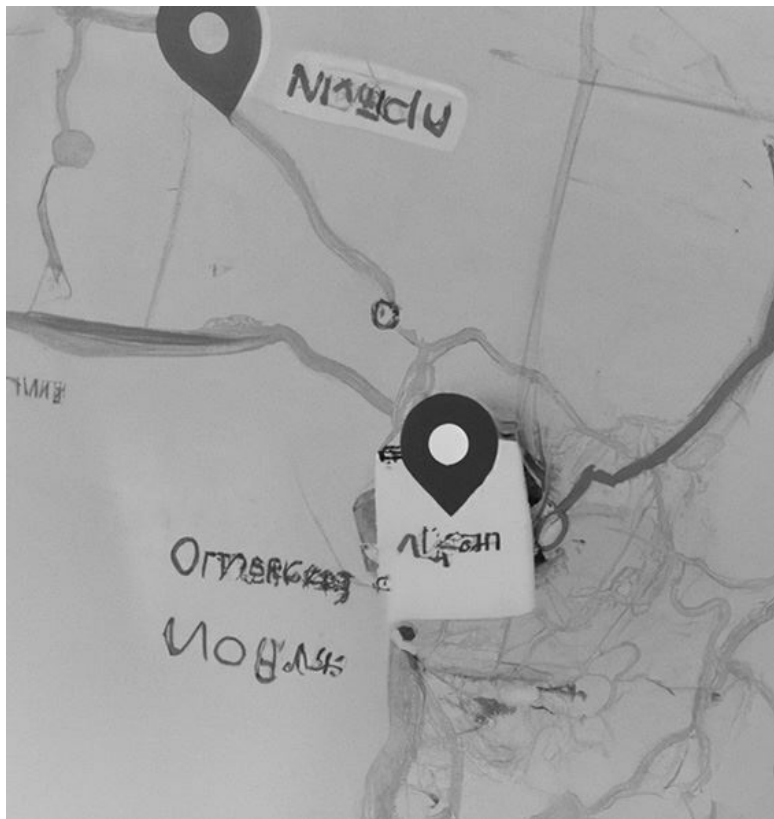

Я вплотную приближаюсь к ступеням, спускающимся к морю, на которых случился мой первый поцелуй. В панорамном режиме я смотрю на бирюзовый залив, где мы однажды плавали летом в два часа ночи, когда уже начинало светать. Мои воспоминания оцифрованы: их можно перетаскивать, масштабировать, открывать в панорамном режиме. Парень

на пляже, лицо которого размыто, исчезает из моей памяти. А вот я оказываюсь над проселочной дорогой, где когда-то упала на колени, проплываю над дорогами, по которым ездила со слезами на глазах. Достаточно одного нажатия на экран, чтобы снова увидеть все сообщения и заново прочесть электронные письма.

Новое сообщение возвращает меня обратно в поезд. Б говорит, что встретит меня на Кингс-Кросс. Я снова уменьшаю масштаб и теперь вижу не только остров, но и целый мир вокруг него. Голубая точка недалеко от Лондона показывает мое текущее местоположение. Скоро я окажусь среди толпы людей, теплого воздуха и высотных зданий, и я начинаю собирать свои книги и бумаги обратно в сумку.

Впрочем, одним движением пальца я могла бы перебраться себя в Атлантический океан, будто бы подхваченная восточным ветром, ориентируясь по метеосистемам интернета.

Карты Google позволяют мне, никуда не выезжая, ни о чем не беспокоясь и не нанося вреда окружающей среде, добраться в такие места, где иначе я бы никогда не побывала. Картами пользуется миллиард человек. Снимки, сделанные спутниками Google, помогают запланировать отпуск или погру-

зиться в воспоминания.

Где бы я ни жила, я везде приклеиваю на стены бумажные карты того места, где меня сейчас нет. В городе я скучала по островам, в последней квартире на острове – по улицам Лондона. Я люблю раскладывать на полу бумажные карты, но функции цифровых для меня важнее. Мозг кипит и распадет от возможностей технологий.

Цифровые карты позволяют перемещаться куда угодно. Иногда у меня появляется чувство, что я могу шагнуть в собственный экран. Недавно благодаря функции просмотра улиц у меня снова появился интерес к городам, и я виртуально гуляю по Порто, Праге, Берлину, размышляя, куда отправлюсь дальше.

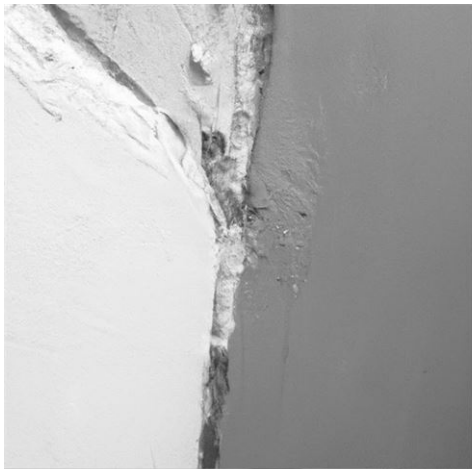
Снимки со спутника появляются и в моих снах, заставляя меня прокручивать страницы и всё время что-то искать в подсознании и в реальности. В новом городе я чувствую себя так, будто стала оранжевой фигуркой с карт Google, которую одним щелчком перенесли в незнакомую местность.

Я переключаюсь на другой участок карты. Я еще не знаю, куда пойду. В лондонскую спальню, или в берлинское кафе, или на какой-нибудь другой далекий остров в теплом море. Никогда еще всё это не было так близко. Я могу моментально вернуться, проведя пальцем по экрану. Мой дом всегда будет там. Он здесь, в моем телефоне и в моем сердце, и иконка карт Google, расположенная между иконкой Facebook и электронной почтой, внушает надежду, борясь за террито-

рию между Атлантикой и Северным морем.

Высотный Лондон
Сентябрь
Урожайная Луна

Б встречает меня на Кингс-Кросс. Она закончила работу и пришла помочь мне дотащить сумки до своего дома в Восточном Лондоне, дорога до которого на метро, на поезде и пешком занимает час. В ее квартире есть свободная комната, которую она обычно сдает на Airbnb, и я могу снять эту комнату на месяц. Мы познакомились через ее бывшего. С ним у нее не сложилось, но мы остались друзьями. Она знает лучшие места, где можно найти свежую еду, которую выбрасывают из элитных гастрономов. Она знает, что ранние подъемы стоят того.

Я беспрерывно говорю с теми, кто сейчас рядом. Собеседник за столом напротив меняется, но нить разговора остается прежней. В своих дневниках Энди Уорхол называет себя А, а всех остальных, с кем он встречается, сменяющих друг друга ассистентов и друзей – Б.

Б сидит со мной в кафе художественной галереи и на пассажирском сиденье моей машины, стоит рядом, пока я курю сигарету у входа в бассейн, идет передо мной по тропинке через лес. Я встретила Б, когда мы писали для одного журнала, жили на одном острове, расклеивали объявления на одном и том же стенде и ходили в одни и те же ночные клубы. Мы встречаемся один на один: с тех пор как я больше не пью, это мне нравится больше, чем групповые встречи. Мы любим есть суши, купаться, сидеть на скамейке и ходить на встречи анонимных алкоголиков.

Есть у меня и цифровые друзья. Я состою в групповом

чате с двумя девушками, двумя Б, уже около десяти лет. Б появляется во всплывающем окошке чата. Б пишет. Б не отвечает на вопрос, который я задала ей по электронной почте, но отвечает на другой, более непонятный вопрос в комментарии под моей прошлогодней фотографией. Я ежедневно читаю посты Б, но редко общаюсь с ней напрямую.

Я часто меняю работу, дом, место жительства, и у меня есть множество Б, с которыми я всю жизнь могу оставаться на связи онлайн. Мы не общаемся регулярно, но если встречаемся, то рассказываем друг другу обо всем, что с нами случилось за последние несколько месяцев или лет.

Б сказал, что за последнюю неделю провел пятьдесят пять часов в онлайн-игре, создавая империю. Он строил гавани и свеживал оленей.

Б сказала, что написала пятьдесят стихотворений о яйцах.

Б рассказал, как однажды, повинуясь импульсу, он выбросил свою новенькую цифровую однообъективную зеркалку с моста в море.

Б рассказала, что ее семейное прошлое исключило для нее возможность брака.

Иногда я забываю, что рассказывала тебе и в каком мы городе, кого ты знаешь и как мы пересекаемся.

Я стою на балконе квартиры Б на двадцать первом этаже и смотрю на Лондон. То, что я сначала приняла за падающую звезду, оказалось сигаретой, выброшенной с балкона над на-

ми.

Я слышу шум дороги, голоса детей и матерную ругань внизу. Я вижу поезда, проезжающие по эстакадам напротив башен в Канари-Уорф. Новые небоскребы стали появляться после того, как Б переехала сюда три года назад: высокие силуэты на западном горизонте.

За центром Лондона садится солнце. Крикливая серебристая чайка летит на юг, за ней пролетает пассажирский самолет. Б однажды встретила на балконе белку. Я смотрю вниз на голубя, сломанные антенны и мячи, закинутые на крыши зданий. По мере того как люди возвращаются с работы, в окнах зажигается свет.

Здание нуждается в ремонте, но оно чистое и содержится в порядке. В вестибюле висят объявления о спортивных мероприятиях и выставках. Рядом дешевый рынок: лоток фруктов и овощей можно купить за фунт.

Окно моей спальни выходит на восток, а сам дом расположен на восточной границе внутреннего Лондона, за пределами которого находится то, что обслуживает город: склад Amazon, газгольдеры, парк грузовиков.

Я в восторге от самолетов, которые взлетают и приземляются в аэропорту Лондон-Сити. Здесь они будто совсем близко. Я слышу, как они прилетают, и отслеживаю их в приложении Flight Radar: они прибывают из Милана и Дублина.

В течение месяца я пытаюсь по максимуму наслаждаться тем, что я снова в Лондоне. Я встречаю старых друзей, хожу на поэтические чтения, марширую вдоль Уайтхолл, требуя немедленного перехода на «зеленую» энергию. Я ищу любую работу или подработку где только могу.

Моему другу, который работает в учебном медицинском центре, нужны модели груди для обучения пластической хирургии, и я соглашаюсь. Когда я, раздетая по пояс, с размеченной фломастером грудью, стою в больничной палате в окружении хирургов-стажеров мужского пола, у меня неожиданно начинает кружиться голова, и я падаю в обморок. Мне помогают сесть и приносят стакан воды. И как я на всё это пошла ради сорока фунтов? Может, я и не такая непробиваемая и раскрепощенная, как привыкла думать.

Снаружи огромный город светится огнями, и по-прежнему слышен шум дороги. Я не ложусь спать, ожидая, когда появятся результаты голосования по острову.

Неделю назад я опустила бюллетень в почтовый ящик

в Попларе. Сегодня днем было солнечно и жарко, я решила прокатиться на велосипеде, но всё время думала о доме. В торговом центре под Канари-Уорф мой значок в поддержку независимости Шотландии привлек несколько взглядов. Теперь я сижу в темноте с интернетом на коленях, пытаюсь примирить решение уехать из Шотландии с желанием поучаствовать в ее судьбе.

Туман опускается на «Шард», Праймроуз Хилл и Тауэр-Хамлетс. Мигающий огонек на вершине небоскреба «Уан Кэнада Сквер» во мраке выглядит как маяк. Я думаю о вертолетах и кораблях, которые мчатся сквозь ночь, чтобы доставить урны для голосования с островов и отдаленных районов на севере.

Я начинаю готовиться ко сну. Сразу после объявления результатов с острова, который голосует против независимости Шотландии, на западе появляется вспышка – начало грозы, которая пройдет над Лондоном в течение следующих нескольких часов. Гром будит людей по всему городу, не давая им спать до объявления результатов референдума.

В три часа ночи мне внезапно приходит поток сообщений с сайта знакомств, на котором я зарегистрировалась несколько дней назад. Все мы, разбуженные грозой и политикой, сидим в кроватях и, внезапно осознав, что одиноки, тянемся за телефонами, чтобы стать ближе друг к другу.

Когда становится понятно, что большинство по всей стране будет «против», гроза начинает бушевать сильнее. Она

идет восточнее над домом. Я стою на балконе и смотрю на улицу, чувствуя себя под внезапным ливнем как могущественный дирижер города.

Я пытаюсь заснуть. В мусоропроводе гуляет ветер. Надо мной еще пять слоев людей. Подо мной еще двадцать этажей, а под ними земля, изрешеченная подвалами, железнодорожными тоннелями и линиями метро. Вайфай-сетей так много, что они не помещаются на экране телефона.

На первое октября я взяла билет в один конец в Берлин. Одиночество вынуждает меня уехать. Думаю, дальше последует самая важная часть истории.

Серые вороны
Октябрь
Луна Охотника

Когда я прилетаю в аэропорт Шёнефельд, на взлетно-посадочной полосе суетятся стайки серых ворон. На острове они обычное явление, но нигде больше в Великобритании я их не видела. Они были там, на крышах портового города, а теперь встречаются меня здесь, в Берлине. Серые вороны позволяют мне чувствовать себя как дома.

В Шотландии мы называем их «воронами с капюшоном». По-немецки они «дымчатые вороны», *Nebelkrähe*. В Лондоне все вороны черные (*Corvus corone*), они обитают в Англии и на юге Шотландии. Но в северных широтах, где зимы более холодные, – на севере Шотландии, в Скандинавии, в Центральной и Восточной Европе – вороны носят серые жилеты: это серые вороны (*Corvus cornix*). Оба вида кричат почти одинаково, «кар-кар», но серые вороны чаще живут стаями. Берлин и мой остров находятся в пределах их ареала, простирающегося в более дикие и менее населенные районы Норвегии и Польши.

Ареалы черных и серых ворон совпадают в местах, которые называются «гибридными зонами». Гибридные зоны медленно смещаются на северо-запад, и это показатель изменения климата. По мере того как температура растет, многие виды птиц и насекомых постепенно начинают мигрировать в сторону полюсов и селиться на возвышенностях.

Меня привлекают северные регионы, территории серых ворон. Районы, которые по мере изменения климата всё больше сокращаются и смещаются на север, – вот места, в

которых я хочу побывать.

Я продолжаю видеть серых ворон по всему Берлину. Вороны, в общем-то, не самые располагающие к себе птицы, но нельзя не оценить их упрямство и ум. Вороны знают, что происходит на их территории, и их поведение часто предупреждает меня о других вещах, к примеру о присутствии хищных птиц. Если вороны устраивают возню, я знаю, что где-то поблизости может быть канюк, пустельга или даже ястреб-тетеревятник.

Наблюдение за птицами – это идеальное лекарство от компьютерного синдрома. Наши глаза устают от телефонов, которые мы держим прямо перед лицом, и от компьютеров. Мы редко смотрим вдаль, а когда всё-таки смотрим, картинка расплывается. Изучая далекий горизонт или линию деревьев, я меняю перспективу и через некоторое время

чувствую, как зрение проясняется. Предметы обретают четкость. Глаза отдыхают, и я становлюсь зорче.

Берлин для начинающих
Ноябрь
Луна Охотника

Кажется, в Берлин невозможно приехать вовремя. Пять лет назад – вот тогда здесь была жизнь, говорят люди. Я приехала сюда на выходные лет десять назад. Мы катались на велосипедах с друзьями друзей и не спали до утра в просторной квартире, аренду которой они могли себе позволить несмотря на то, что работали неполный рабочий день, продавая мороженое.

Я хотела вернуться в город, потому что пока не всё увидела. Я хочу еще раз испытать судьбу. Дома все так уверены, что наш маленький остров – лучшее место для жизни, но они не пробовали ничего другого. Я здесь еще и потому, что хороший способ преодолеть безответную влюбленность – это переехать в другую страну, где есть новые люди, в которых можно безнадежно влюбиться.

Берлин я выбрала без какой-либо конкретной причины: меня не ждет работа, учеба или любовь. Я здесь, просто чтобы сменить обстановку. В Берлине я знаю одного человека из Лондона, в присутствии которого у меня однажды начались судороги; это он подтолкнул меня переехать сюда. Я купила билет в один конец и арендовала жилье. Я обратилась к друзьям онлайн, спросив в Twitter контакты берлинских знакомых или людей, с кем я могу встретиться, у кого могу спросить совета или на которых могу подписаться. Я зарегистрировалась в Duolingo.

В новом городе можно заново изобрести свою идентичность. Я хочу вести себя так, будто мне снова двадцать с

небольшим: может, проколю ухо или выберю виски, вступлю в полиаморные отношения, займусь скульптурой. Меня привлекает то, что мне кажется берлинским стилем: мюзикл «Кабаре», сплавленный с эстетикой холодной войны, велосипеды, минимал-техно, черная одежда.

У меня достаточно денег, чтобы прожить здесь несколько месяцев, прежде чем придется искать работу, – такой свободы у меня раньше никогда не было. Но нужно быть умеренной и жить экономно. Если ты беден, Берлин лучше, чем многие другие города. У меня поношенная одежда, потому что я действительно бедная художница, а не потому, что я пытаюсь казаться таковой.

Я срезаю кожу на подушечке пальца хлебным ножом.

Я получаю немецкий телефонный номер.

В первый вечер в городе я ем одна в турецком ресторане, смотрю на привлекательных мужчин, проходящих мимо, и думаю, что приняла правильное решение. Я рассчитываю, что здесь у меня больше шансов на романтические отношения, чем на острове.

В первый день, исследуя город, я пытаюсь заказать еду в кафе на немецком, но мне отвечают на английском. После этого я почти не пробую снова. Мне говорили, что выучить немецкий одновременно просто и сложно. Люди утверждали, что жить здесь дешево, а потом жаловались, что арендная плата слишком высокая. Мне говорили, что берлинцы расслабленные и суровые, открытые и равнодушные. Я не знаю,

что думаю сама.

Я знаю, что в Берлине высокий уровень грунтовых вод, аномальная высота над уровнем моря. Город построен на нестабильных почвах, постепенно уходящих под воду. Я иду посмотреть на кусок бетона – *Schwerbelastungskörper*, «объект для создания тяжелой нагрузки», огромный двенадцатитонный цилиндр, установленный при Гитлере в 1941 году, чтобы проверить, насколько его затянут местные болотистые почвы.

Первый месяц я снимаю комнату в Нойкельне, на юго-западе Берлина, в одном из самых многокультурных и бедных районов. В комнате кровать-чердак, и я сплю под потолком. Арендодатель живет здесь же. Он всегда здесь, в смежной комнате, заставленной цветами.

В первые недели у меня нет ни планов, ни друзей. Я пытаюсь заполнить свои дни чем-то значительным и задаюсь вопросом, правильно ли поступила, приехав сюда. Я пытаюсь быть открытой всему неожиданному, освободить пространство для волшебства. Я читаю книги об истории города. Я много хожу, исследуя ассортимент закусок в маленьких магазинчиках, наблюдая за людьми. Вокруг звучит иностранная речь. В повседневной жизни здесь царит легкая непринужденная атмосфера общественного быта, противоречащая стереотипам о немецкой пунктуальности и порядке. В городе полно публичных пространств, – парки, тротуары, площади, набережные, – где люди могут проводить время,

ничего не покупая. Здесь хорошо быть безработным.

Часто эта свобода – этот недостаток ответственности – оказывается преимуществом и порождает легкость. Я могу заботиться о себе, быть эгоистичной и спонтанной. Но очень часто я боюсь, что мое одиночество уже перезрело, особенно когда позади длинный день, губы на вкус как клей, я очень долго молчала и даже не уверена, что существую, – в такие моменты я ищу что-то или кого-то, что могло бы меня заземлить.

Мы далеко от моря, велосипеды здесь не ржавеют. Меня подташнивает, и я не могу говорить.

Я начинаю встречаться с людьми, с которыми меня познакомили наши общие друзья.

Б, британка, учится в магистратуре, пользуясь тем, что образование в Германии бесплатное. Как и множество ее дру-

зей, она работает неполный день на горячей линии, отслеживая потерянные заказы еды на вынос. Она сыщик, раскрывающий дела о пище.

Б, американка, устроилась няней и учится немецкому у маленьких детей.

Б живет в большой марксистской коммуне, где жильцы каждую неделю собираются на пленум, чтобы обсудить еду и уборку.

Б переехала сюда, чтобы стать диджеем, но с недавних пор стала меньше времени проводить в клубах и теперь учится на тренера личностного роста.

Я звоню Б, когда подхожу к кафе, о котором он упоминал. Сейчас его там нет, но он любезно предлагает встретиться в другой день. Нажав отбой, я, к своему удивлению, начинаю плакать. В разговоре с ним я вела себя как обычно, но это многое для меня значит. Просить новой дружбы тяжело. Можно изменить свое будущее и найти любовь всего за один день или благодаря принятому приглашению – но чаще всего это ни к чему не ведет. У меня скручивает живот. Я полностью открыта, моя надежда долго держится на плаву, но я не знаю, сколько еще смогу так протянуть.

Я нахожу хорошую фалафельную, из которой можно смотреть, как на Ораниенштрассе садится оранжевое солнце. Сидя на террасе, я чувствую скорое приближение зимы. В конце улицы, за переходом у мечети, толпится много людей. Поезд линии U1 проезжает мимо и выдувает пепел из

пепельниц. Я смотрю на панков под мостом.

Мимо проходит странная женщина, которую я уже видела несколько раз: она как будто укутана в рулоны ткани. Они напоминают обшивку.

Я проверяю свои космические приложения. Сегодня корабль НАСА, стартовавший девять лет назад, впервые достиг Плутона. Он пролетел больше восьми миллиардов километров. Фотографии и данные, собранные за время наблюдений, могут вернуть Плутону статус планеты. Названия спутников Плутона – Харон, Стикс, Никс, Кербер и Гидра – действуют на меня успокаивающе. Наша солнечная система продолжает работать, движение небесных тел в огромных масштабах времени и расстояний оберегает нас и удерживает на месте.

Я гуляю по Нойкельну, Кройцбергу и Митте в юбке из легкой прозрачной ткани и с красной замшевой сумкой. Каждый девятый разговор, который я слышу, на английском.

Я прихожу в ночной клуб, почему-то открытый днем. Я захожу, никто меня не останавливает, и я недолго танцую в одиночестве под зеркальным шаром.

Я регистрируюсь в своем муниципалитете, чтобы стать официальным резидентом и получить сертификат, который позволит мне работать. Когда я говорю, что я британка, из Евросоюза, вопрос решается очень быстро.

Я хожу на встречи анонимных алкоголиков для англоговорящих людей, и там полно путешествующих американских бизнесменов. Когда кто-то из них говорит, что «пал ниже

некуда», их истории не страшнее, чем обычная ночная ту-совка в английском городе. Я думала, что там-то найду друзей, но некоторые люди кажутся мне странными. Они ходят на собрания пять раз в неделю и говорят о некоторых приглашенных спикерах так, будто те поп-звезды.

Мне часто снятся киты, хоть я и видела их только однажды.

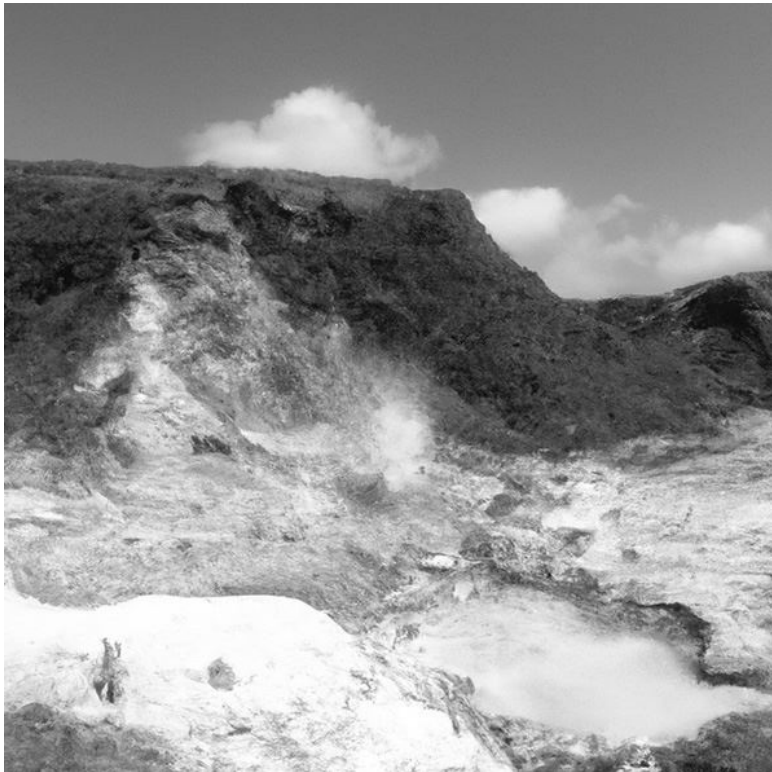
Меня приглашают на концерт в музыкальной школе. Я опаздываю, сажусь на лестнице, не слыша музыки и не чувствуя с ней контакта, а потом рано ухожу. Никто так и не узнаёт, что я была там. Я часто чувствую себя так в этом городе: оторванной от всех, лишней, невесомой.

По пути домой в метро я еду в одном вагоне с женщиной в шапке из енота, модным готом из «Бергхайна» с коротко подстриженными светлыми волосами, молодой парой, уткнувшейся в телефоны, попрошайкой в платке, американскими туристами, красивой девушкой с кольцом в носу, читающей маркиза де Сада.

Лежа в своей кровати под потолком, я смотрю развлекательные телешоу и пытаюсь забыться. Я всё больше подозреваю, что мой арендодатель ненавидит то ли меня, то ли необходимость сдавать пустующую комнату. Он сказал, что он личный тренер, но я ни разу не видела, чтобы он собирался на работу. Уверена, он думает, что я ленивая и богатая, и он мог бы быть прав. В ванной нет замка. Я знаю, что, пока меня не было, он заходил в мою комнату.

Однажды я иду плавать и, когда запираю за собой тяжелую дверь раздевалки, моментально расслабляюсь и понимаю, что никогда за всё это время не ощущала себя в безопасности. Я рада, что скоро съезжаю из этой квартиры, мой месяц вышел. Я иду посмотреть новое жилье на улице с таким же названием на другой стороне города – теперь на старом западе.

По веб-камере я наблюдала за вулканом в Новой Зеландии. Я писала на электронную почту мужчине, который едет на велосипеде через весь Китай. Какая погода в твоём часовом поясе? Расскажи мне о метеосистемах интернета.

Через Craigslist я нашла маленькую квартиру, где смогу жить одна до ноября. Ее хозяйка уезжает в художественную резиденцию в США. Это крошечная квартира с одной спальней, красиво и по-женски обставленная, с ширмой, коллекцией драгоценных камней, компактной ванной комнатой с душевой кабиной. Художница оставила большинство вещей,

и в течение месяца я как будто буду играть ее роль. Я чувствую себя большой, неуклюжей, но счастлива быть здесь.

Наверху живет немолодая женщина. Она стучит в дверь, просит разрешения воспользоваться стиральной машинкой и приносит огромную гору вещей, забивая ее до отказа. По-

хоже, помимо стирки ей просто нужна компания. Она говорит на ломаном английском, и сперва я думаю, что она рассказывает грустную историю своей жизни, а затем понимаю, что она цитирует строки из песни «Би Джиз» «Трагедия». Она старая жительница Кройцберга, каких редко сейчас встретишь, пережила здесь много изменений. Ей за шестьдесят, ее платки и юбка из другой эпохи. Мне немного страшно говорить с ней и пускать ее к себе, потому что я не знаю, надолго ли она останется.

Поздно вечером я иногда вижу ее у киоска Späti с молодыми людьми в три раза моложе ее, с бутылкой пива, вдрызг пьяную. У нее отрешенный вид, и от нее исходит уксусный запах алкоголика. Возможно, меня тревожит то, что она – призрак другого будущего.

«Сейчас я живу в Берлине», – всегда говорю я. «Сейчас» или «на данный момент». Всё временно, легкодоступно, мгновенно.

Я заснула или просто вышла из сети? Во сне я написала тебе сообщение. Иногда мне кажется, будто мое тело – это буфер обмена, с помощью которого я могу вырезать и вставлять информацию. Я хочу скопировать здешний запах сосисок и тополей и отправить его тебе. Я печатаю, и когда ты отвечаешь, я чувствую твой палец на сенсорном экране.

Цифровые кочевники и призраки

Декабрь

Холодная Луна

Прошлым летом я видела цифрового призрака. Ранним утром, с первыми лучами рассвета, я гуляла по острову вокруг каменного кольца эпохи неолита. Я подняла телефон, чтобы снять черные силуэты менгиров на фоне заходящего солнца, и увидела темную фигуру, движущуюся через вереск в центре круга. Но когда я подняла глаза от телефона, фигура исчезла. Она, кажется, существовала только в цифровом

пространстве, на экране моего устройства с выходом в интернет.

Немецкий термин *Wanderjahr* (год странствующего подмастерья) отсылает к традиции отправляться в путешествие после завершения обучения ремеслу. В этом году я вступаю в период кочевничества: планирую перемещаться из одной точки в другую, жить в разных местах, не быть привязанной к рабочему месту и работать удаленно, используя коммуникационные технологии.

На протяжении многих лет я часто переезжала. Моя учетная запись на Amazon хранит более двадцати адресов, домашних и рабочих, куда мне приходили посылки за последние десять лет. Но мой адрес электронной почты остался прежним. Во многих отношениях интернет – мой самый постоянный дом.

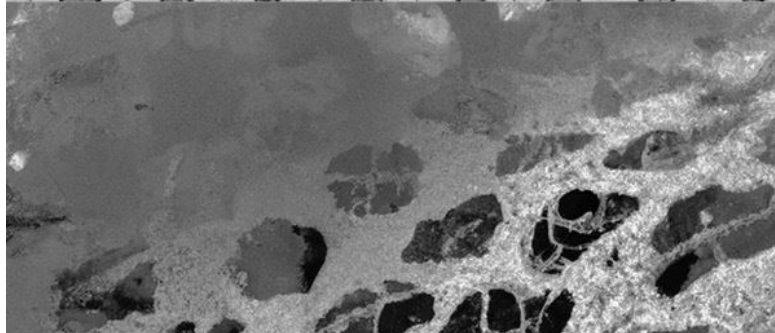
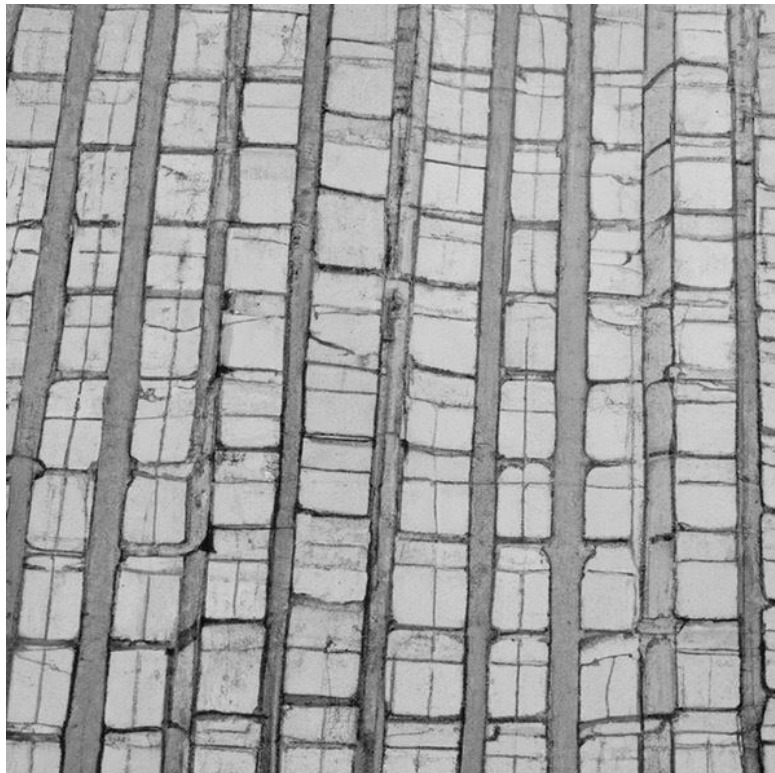
Я сплю в кровати незнакомой женщины, в окружении ее книг и картин, готовлю на ее масле, пользуюсь ее вайфаем. Когда буду съезжать, я уберусь в квартире, куплю новую туалетную бумагу и не оставлю после себя ни следа. Это и есть субаренда. Каждый месяц мы меняем место жительства. Субаренда устроена по сложной схеме: ты снимаешь квартиру у одного человека, он – у другого, причем степень формальности сделки может отличаться, и так далее. Арендаторы постоянно переезжают, оставляя за собой возможность вернуться.

Идея состоит в том, что цифровой кочевник может про-

дать свои вещи – или перевезти их в камеру хранения, а то и на чердак к родителям, чтобы забрать позже, когда он остепенится (что он вечно откладывает на потом), – и свободно менять место жительства в зависимости от времени года. Все наши книги, музыка и фотографии хранятся в цифровом виде. Не отягощенная ипотекой или детьми, я пользуюсь дешевыми авиабилетами и свободой беспрепятственно перемещаться внутри Евросоюза.

Здесь, в Берлине, сорок тысяч англоговорящих мигрантов, или экспатов, как они сами часто себя называют. Американцы и канадцы могут жить в Германии с визами фрилансеров или деятелей искусства. Берлин – столица, но не финансовый центр (эта роль отведена Франкфурту), так что здесь нет элитных банковских районов Лондона или Парижа и финансовых работников, из-за которых поднимаются цены на жилье. Привлекательные для меня пустые здания и дешевая арендная плата – результат сложных по структуре волн перемещения жителей, которые то заселялись сюда, то съезжали, а также мрачных времен запустения и разделения города на две части.

Здесь я встречаю много ирландцев. Встречаю турок и иранцев. Мое любимое место – суданское кафе, где продают дешевый фалафель с вкусным арахисовым соусом.

Жизнь цифрового кочевника в реальности труднее, чем фантазия о ноутбуке на пляже и полном слиянии работы и досуга. С точки зрения затрат она более практична: снять квартиру в Берлине стоит в три раза меньше, чем в Лондоне, и на фунты, выплачиваемые британскими работодателями, здесь можно жить лучше. Она не такая уж и гламурная: время от времени я оказываюсь на мели, у меня нет хорошо оплачиваемой работы, и я в панике ищу, где раздобыть денег. Я вижу здесь приезжих из разных частей света, которые не могут позволить себе съездить на родину, которые понимают, что никогда не смогут купить дом и поэтому продолжают переезжать из одного места в другое, которые не могут найти постоянную работу. Между съемными квартирами я ночую на диванах у друзей и часто сталкиваюсь с бюрократическими проблемами, связанными с отсутствием постоянного адреса.

У такого образа жизни нет подушки безопасности в виде больничного, пенсии или стабильности. Он для дееспособных молодых людей, которые могут опереться на семью, если что-то пойдет не так. Если я заболею или мне станет слишком тяжело, я улечу домой дешевым авиарейсом.

Я пишу это в одной вкладке браузера; в других открыты электронная почта, Facebook, Twitter, начатые статьи и просмотренные на четверть видео. Я открываю другую вкладку с новостями BBC. На границах Европы – в Кале и на север-

ном побережье Средиземного моря – собираются беженцы, пытающиеся попасть в страны, между которыми я перемещаюсь свободно. Понятно, что у меня есть привилегия, мне повезло иметь паспорт, позволяющий вести образ жизни, ради которого кто-то рискует всем.

Я нажимаю на вкладку Facebook. Люди обсуждают избрание нового лидера Лейбористской партии и северное сияние, которое видели в небе над островом прошлой ночью. Я смотрю на фотографии ребенка одного знакомого, вместе с которым участвовала в барной викторине семь лет назад, на обновленную фотографию профиля съемщика, которому показывала комнату в 2010 году, на фотографию новой подружки мужчины, с которым познакомилась онлайн и ходила на свидание, на вдохновляющие цитаты людей, которые были моими коллегами до того, как я успела сменить еще пять работ. Социальные сети поддерживают мою связь с прошлыми жизнями и местами, в которых меня больше нет. Это впечатляет и смущает. Мне кажется, что я знаю всё на свете, но ни на чем не могу сосредоточиться, мой разум технологически усовершенствован, но раздроблен на части. Я не знаю, тратить ли мне время на общение со старыми друзьями в интернете или на знакомство с новыми людьми в городе.

Б сказала, что ее муж только недавно получил сообщения, которые она отправила ему два года назад. Где они были всё это время?

Культура субаренды, или фриланса, становится всё популярнее: люди, не связанные обязательствами, фрагментированные в цифровом пространстве, оставляют возможности для себя открытыми и не задерживаются ни в одной стране. На Craigslist и Airbnb, на сайтах дешевых авиабилетов и Tripadvisor есть альтернативное сообщество: люди, которые ходят в тренажерные залы и бассейны днем или сидят в кафе за ноутбуками, которые работают отовсюду или не работают вообще. Они перемещаются между элитными районами международных центров – Лондона, Рейкьявика, Мельбурна, Берлина – часовые пояса и валюта меняются, а люди всё те же. На иностранных языках мы умеем только просить кофе и пароль от вайфая. Мы говорим о компьютерном оборудовании и поведении в интернете так, как наши родители говорят о своих машинах. Так мы путешествуем. Всё, что мне нужно, – это вайфай и запертая дверь.

В новом месте интернет во многом отгораживает меня от всего иностранного. Я могу ходить по городу, уткнувшись в телефон: карты Google прокладывают маршрут, в ушах играет радио BBC, я пользуюсь переводчиком и публикую фотографии в социальных сетях. Германия почти не соприкасается со мной. Но когда телефон садится, я теряюсь: я не знаю

языка и не понимаю, где нахожусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.